

Наша Анечка

Радистка, медик, парашютист из Белорецка победу встретила в Латвии

Несмотря на возраст — а ей в этом году исполнится 96 лет, — Анна Ивановна Первухина бодро двигается, энергично ведет беседу. Вот слышит и видит, правда, плоховато, но на свой возраст все равно не тянет: больше семидесяти ей никак не дашь. «Наша Анечка» — так любовно её называли в разведбате.

За первый прыжок — цветы

До войны она окончила Белорецкое медицинское училище. Успела поработать медсестрой и лаборантом в Тирлянской больнице. Началась война, и в сорок втором году в Белорецке вместо расформированного аэроклуба открывается парашютно-планерный клуб, куда юную Анечку назначают санинструктором. В клубе она приобретает навыки парашютиста и совершает свой первый прыжок.

— Вставала в пять утра и шла на аэродром, — вспоминает Анна Ивановна. — К девяти часам полеты заканчивались, и я отправлялась в лабораторию. Потом успевала только домой на обед сбегать и к пяти вечера возвращалась на очередные полеты, которые продолжались иногда до часу ночи. Еще приходилось работать в морге, мы проводили судмедэкспертизу. К нам привозили по пять-шесть трудармейцев... Так что смерть я видела задолго до фронта...

Помнит парнишку, у которого на ее глазах не раскрылся парашют... Казалось, вот только что он, распаренный после бани и потому опоздавший, говорит: «Я полечу первым!». А теперь ему уже ничем нельзя помочь.

— После этого случая никто из ребят не решался прыгать, — вспоминает Анна Ивановна. — Тогда я тайком, когда родители ушли из дома, утащила комбинезон брата (он учился в аэроклубе в Белорецке) и уговорила майора разрешить прыжок. Он сначала твердил: «Ни в коем случае!», но потом сдался. Села в самолет, летим. «Вылезай!» — я — на крыло. «Пошла!» — я и пошла. Меня дернуло, лечу. Приземлилась хорошо. Ребята подбежали, помогли. Тогда и первые цветы подарили, а я переоделась — и в лабораторию.

Вечером родители скандал устроили: «Жить надоело? Чего удумала!». Но зато ребята снова стали прыгать с парашютом и все окончили курсы.

Радистка в шкафу

В 1943 году Анна Ивановна получила повестку. Почти сразу оказалась на передовой, и не медсестрой, а радисткой в разведгруппе Третьего Белорусского фронта, пешком прошла всю Восточную Пруссию.

— Я долго не знала, что такое «катюша». Однажды в каком-то сарае нам устроили баню. Только разделись — такой грохот. Мы чуть ли не голышом оттуда выскочили, а это, оказалось, наши «катюши» песню завели. Так и познакомились, — смеется она. — Много позже подошли мы как-то близко к немцам. Смотрим: они только проснулись, в нижнем белье ходят. Мы развернули радиостанцию, а снайпер — раз в нее! Пришлось обратно идти в тыл, километров пять. Идем — «катюши» стоят. Возле них вижу офицера, пригляделась, а это Борис Лахмостов, двоюродной сестры сын. Кричу: «Борька!». Он подбежал, а разговаривать некогда. Свиделись только после войны.

Один раз мы были в разведке, я сидела за радиостанцией. Как обстрел начался, все в подвал убежали, а мне радиостанцию бросить нельзя. Увидала шифоньер — и в него. Обстрел закончился, полковник вошел, спрашивает: «Где у нас радистка-то?». А я из шифоньера: «Вот я!».

Но чаще было не до смеха. Как-то попала под снайпера, когда за водой шла с солдатским котелком. Контузило меня крепко: не слышала, не говорила, рука повисла. А в полевом госпитале и суток не была — ребята меня забрали, потом заговорила. Мы с ними не раз в шаге от смерти были.

Была я и на гауптвахте, перед окончанием войны. Наш полк стоял на берегу реки, купаться нам запрещали. Когда командир полка уехал, мы решили все же окунуться. И нас старшина посадил на гауптвахту.

День победы встретили в Войдонах, в Латвии. А брат мой с войны так и не пришел — пропал без вести.

После войны Анне Ивановне пришел вызов из Кенигсберга, но родители не отпустили. Вернулась в Тирлян, вышла замуж и уехала сначала в Николаевку, а затем в Махмутово. Работала и медсестрой, и фельдшером. Принимала роды, ставила уколы, оказывала первую медицинскую помощь. Но мирная жизнь не смогла заставить забыть войну.

Источник:

Первухина, А. И. Наша Анечка. Радистка, медик, парашютист из Белорецка победу встретила в Латвии : [ветерану Великой Отечественной войны из Белорецка А. И. Первухиной в этом году исполнилось 96 лет. Беседа / записала Л. Козлова] / А. И. Первухина. – Текст : непосредственный // Республика Башкортостан. – 2020. – 3 апреля. – С. 3.

Незабываемая встреча

Выражение благодарности ветеранам Великой Отечественной войны может быть разным. Мне очень повезло, что я смогла взять интервью у Анны Ивановны Первухиной. Сегодня из всех ветеранов войны Тирляна осталась только она. Смело могу сказать, что эта женщина - одна из самых отважных людей нашей страны.

О начале войны Анна Ивановна услышала по радио, а в 1943 году была призвана на фронт, тогда ей было чуть меньше 20 лет. На фронте нашу землячку зачислили радисткой в разведгруппу третьего Белорусского фронта.

Будучи разведчицей, Анна Ивановна доблестно сражалась в боях, за что получила много наград. К великому сожалению, большинство из них сгорели во время пожара. Среди уцелевших - орден Отечественной войны и медаль «За отвагу».

Анна Ивановна в свои юные годы не раз смотрела смерти в глаза. Ветеран вспоминает: «Летом нам даже не разрешали купаться, потому что вокруг были бандеровцы, вот какая строгая была дисциплина».

А ещё Анна Ивановна Первухина рассказала и самые запоминающиеся случаи, произошедшие на полях сражений:

- Однажды мы были в разведке, встретились с пехотой. Там был полковник. Я сидела за радиостанцией, вызывала: «Сжатие, сжатие!» Как обстрел начался, все в подвал убежали, а мне радиостанцию бросить нельзя. Увидела я шифоньер – и в него. Обстрел закончился, полковник спрашивает: «А где у нас сжатие?» А я из шифоньера: «Вот я!» Но в тот момент было не до смеха... Однажды за водой пошла с солдатским котелком, попала под прицел снайпера, еле успела в укрытие. Но без ранений на войне не обошлось. Контузило меня крепко: не слышала, не говорила, рука плетью повисла. Только в полевом госпитале и суток не пробыла, ребята мои меня забрали, потом уж заговорила...

Известие о победе тирлянская разведчица встретила в Латвии. Вернувшись домой, устроилась работать медсестрой. В 1948 году вышла замуж, уехала жить в Николаевку.

Анна Ивановна, как и все, побывавшие на войне, достойна огромного уважения. Поколение победителей - великие люди. Они смогли побороть фашистскую чуму. Мы, современники, не такие, нет в нас той сплоченности и патриотизма. За совершенные подвиги наши деды и прадеды навсегда останутся в памяти благодарных потомков. Ветеранов с каждым годом становится всё меньше, но те из них, кто остались в живых, достойны не только самой искренней благодарности за их великие дела, но и того, чтобы мы прислушивались к их советам, окружали заботой, теплом и вниманием. Современная ситуация и в нашей стране, и в мире далека от идеала. Я думаю, что люди, прошедшие войну, могут рассказать нам, юным, как жить, к чему стремиться и во что верить.

Источник:

Первухина, А. И. Незабываемая встреча : [беседа с ветераном Великой Отечественной войны А. И. Первухиной / записала О. Тресвятская] / А. И. Первухина. – Текст : непосредственный // Белорецкий рабочий. – 2019. – 9 апреля. – С. 8.

Цветы – за отвагу

Анна Ивановна Первухина в свои без малого 90 лет уже не помнит того парня, который впервые подарил ей цветы. Но прекрасно помнит, что это были жабреи, сорванные в огороде. Букет ей преподнесли сразу после ее благополучного приземления: у нее не хватило сил погасить парашют, но хватило мужества совершить прыжок тогда, когда никто не решался.

– В 42 году в Тирляне открыли парашютно-десантный клуб. Меня назначили санинструктором, – рассказывает Анна Ивановна. К тому времени она уже окончила медучилище в Белорецке, поработала медсестрой в тирлянской больнице, а с началом войны стала лаборантом. – Вставала в пять утра и шла на аэродром к поликлинике. К девяти часам полеты заканчивались, и я шла в лабораторию. Потом успевала только домой сбегать поесть, и к пяти вечера возвращалась на очередные полеты, которые продолжались иногда до часу ночи. Еще приходилось работать в морге, мы проводили судмедэкспертизу. К нам привозили по пять-шесть трудармейцев... Перед вскрытием дезинфицировали руки сулемой – так я заработала страшную экзему. Так что смерть я видела задолго до фронта, и она мне была уже не страшна.

Но вскрывать парнишку, у которого на ее глазах не сработал парашют, она отказалась наотрез... В тот вечер она за считанные минуты на каблучках домчалась до места падения Виктора

Медведкова. Казалось, вот только он, распаренный после бани и потому опоздавший, говорил: «Я полечу первым!» А теперь она уже ничем не могла ему помочь.

– Шлем слетел, сапоги лопнули, часы куда-то улетели... После этого случая никто из ребят не решался прыгать с парашютом. Тогда я тайком, пока родители ушли из дома за саранками, утащила комбинезон брата (он учился в аэроклубе в Белорецке) и уговорила товарища майора разрешить мне прыжок. Он сначала твердил «Ни в коем случае!», но потом сдался. Села в самолет, летим. «Вылезай!» – я вылезла на крыло. «Пошла!» – я и пошла. Меня дернуло, лечу. Приземлилась хорошо. Только парашют не смогла сама погасить – силы нет, лет-то еще мало. Но тут ребята все подбежали, помогли. Тогда и первые цветы подарили. А я переоделась – и в лабораторию. А вечером дома родители мне такое устроили: «Жить надоело? Чего удумала!» Но зато ребята снова стали прыгать с парашютом, и все окончили курсы.

В 43-м Анна Ивановна получила повестку. Почти сразу она оказалась на передовой, и не медсестрой, а радисткой в разведгруппе. В составе третьего Белорусского фронта она пешком прошла всю Восточную Пруссию, весь Кёнигсберг.

– Мы всегда были впереди, поэтому я долго не знала, что такое «катюша». Однажды в каком-то сарае нам устроили баню. Только разделись – такой грохот. Мы чуть ли не голышом выскочили из бани, а это, оказалось, нашу «катюшу» завели. Так и познакомились, – смеется ветеран. – Много позже подошли мы как-то близко-близко к немцам. Смотрим: только встают, в нижнем белье ходят. Мы развернули радиостанцию, а снайпер – раз в нее! Пришлось обратно идти в тылы, километров пять. Идем – «катюши» стоят. Вижу офицера, пригляделась, а это Борис Семенович Лахмостов, двоюродной сестры сын. Кричу: «Борька!» Он подбежал, а разговаривать некогда. Он говорит: «Увидимся!» Но на фронте мы больше не свиделись, только после войны. А тогда направили радиостанцию и обратно пошли.

Сколько лет прошло, а у меня в ушах стоит крик немца, которого наша группа взяла в плен. Он нам починил все немецкие зуммеры. Но в тылы его было вести далеко, а с собой взять не могли. Интересный молодой парень... Он же тоже не виноват был, что нам вести его некуда. Ребята пошли его расстреливать, а я осталась на каких-то нарах. И что интересно, ни один автомат не сработал. Забегают: «Дай твой карабин!» Я говорю: «Вы с автоматами. Чего вам надо?» Уж чем они его там застрелили, я не знаю, а он кричал...

Один раз мы были в разведке, встретились с пехотой. Там был полковник. Я сидела за радиостанцией, вызывала: «Сжатие, сжатие!» Как обстрел начался, все в подвал убежали, а мне радиостанцию бросить нельзя. Увидела шифоньер – и в него. Обстрел закончился, полковник спрашивает: «А где у нас сжатие?» А я из шифоньера: «Вот я!» Но было и не до смеху. Как-то попала под снайпера, когда за водой пошла с солдатским котелком. Вижу: одна, вторая. Я скорее в укрытие. Но без ранений на войне не обошлось. Контузило меня крепко: не слышала, не говорила, рука повисла. В полевом госпитале и суток не была – ребята мои меня забрали, потом заговорила. Мы с ними не раз в шаге от смерти бывали.

Однажды они где-то достали мне шёлковое зелёное платье, туфельки. «Оденься!» – просят, все же меня только в армейской форме видели. Переоделась, выхожу. Ребята любят, тут был и батя (комбриг), начальник разведки, капитан по машинам. Батя говорит: «Переодеться сейчас же!» Я переоделась, шинель бросила, легла спать. Не помню, успела ли уснуть, но подошел кто-то из ребят: «Батю убило». Мы стояли в карауле, пока батю не отправили в Россию хоронить. А вот куда делся капитан, до сих пор не знаем.

Была я и на гауптвахте, перед окончанием войны. Нас отправили в Латвию. Месяц или больше наш полк стоял на берегу реки, но купаться нам запрещали – «бандеровцы» кругом. Пока командир полка уехал, мы решили все же искупаться. И нас старшина посадил на гауптвахту, даже поясья с нас снимали. А командир приехал и объявил танцы. А как без девчонок? Нас и отпустили. День Победы мы встретили в Войнодах, в Латвии. А брат мой с войны так и не пришел – пропал без вести. Отец ездил в Уфу, встречался там с корреспондентом, который рассказал, что брат погиб где-то в Харькове, ходил в разведку. Теперь, наверное, его могилу топчут... Страх, что теперь творится, – сдержанно говорит Анна Ивановна.

После войны ей пришел вызов из Кёнигсберга – ждали ее на работу, но родители не отпустили. В 48-м она вышла замуж, уехала в Николаевку. Но после пожара, в котором сгорели все её многочисленные ордена и медали, в том числе «За отвагу», вернулась в Тирлян. Всю трудовую жизнь она, как медик, спасала жизни людей, принимала на свет детей, рождавшихся под мирным небом. Единственного сына она родила 9-го мая, в День Победы. А в прошлом году похоронила его, 9 мая...

Теперь помогает двум внукам, радуется успехам правнука и сетует на то, что школьники не всегда с ней здороваются. Она ждет приглашения на парад и верит, что соседи, пообещавшие на ее 90-летие устроить бал, свое слово сдержат.

Источник:

Первухина, А. И. Цветы - за отвагу : [беседа с ветераном Великой Отечественной войны А. И. Первухиной / записала Е. Разина] / А. И. Первухина. – Текст : непосредственный // Белорецкий рабочий. – 2014. – 8 мая.